

**РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCE»**

**РОССИЯ И МИР: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ /
RUSSIA AND THE WORLD: DIALECTICAL RELATIONSHIP**

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 8. С. 11–18

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 35.072.1(510)

**Воображаемое сотрудничество
на российско-китайской границе***

С. А. Иванов

*Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток*

Аннотация. В статье проанализированы репрезентации властями провинции Хэйлунцзян перспектив приграничного сотрудничества с СССР в 1980-е – начале 1990-х гг.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, Китай, Хэйлунцзян, бюрократия.

Сложно спорить с тем, что пространственная мобильность – неотъемлемая потребность человека, как и с тем, что межстрановые границы, ставшие отчетливыми и непрозрачными с развитием национальных государств, нарушают эту мобильность. Концепция приграничного сотрудничества, развившаяся из опыта урегулирования послевоенных проблем Европы на германской границе в 1950–1960-х гг., стала одним из либеральных идеологических проектов глобалистики, направленных на снижение барьерных функций границы. С середины 1960-х гг. его активно продвигали субнациональные и наднациональные бюрократии [1, с. 507–508], а также интеллектуальное сообщество периферийных регионов национальных государств**, утверждая, что приграничное сотрудничество есть абсолютное экономическое благо, которое дает шанс догоняющего развития периферийным зонам национальных пространств и которое необходимо поощрять на национальном уровне.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-31-01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.)».

** Обычно ученые, занимающиеся проблемами приграничного сотрудничества, работают или начинали свою карьеру в приграничных или периферийных регионах. Одним из наглядных подтверждений этого тезиса является список организаций, исследователи которых подавали свои статьи в один из ведущих журналов, посвященный проблемам приграничных регионов и границ – Journal of Borderlands Studies. См.: [2, с. 12].

Под влиянием либеральных идей и, в частности, концепции приграничного сотрудничества те, кто, согласно Б. Андерсону, играли ключевую роль в создании посредством воображения национальных государств и границ – бюрократия и интеллектуальное сообщество [5] – точно так же, но уже в локальных масштабах, начали отстаивать идеи устранения искусственных преград между странами, не претендуя на автономию определенной территории. Эта особенность была свойственна всем государствам, перенявшим полностью или частично либеральную идеологию независимо от уровня развития демократических институтов. Не исключением стал и Китай после 1970-х гг. На примере прилегающей к России китайской провинции Хэйлунцзян в 1980-е гг. мы попытаемся дать одно из возможных объяснений активности бюрократических структур в продвижении идей приграничного сотрудничества. В случае этой провинции мотивы действий местных властей можно не связывать с попытками восстановить культурную общность или историческое единство инфраструктуры и хозяйственного комплекса с территорией соседнего государства, ростом этнического национализма и сепаратизма местных сообществ. Всего этого не было в российско-китайском приграничье.

Торговые и инвестиционные взаимодействия Хэйлунцзяна с СССР начали хаотично развиваться с конца 1980-х гг., поэтому анализ репрезентаций хэйлунцзянской бюрократией в 1980-е и в самом начале 1990-х гг. позволяет достаточно четко выделить воображаемую часть официального дискурса и выявить причины ее формирования.

В начале 1980-х гг. власти провинции Хэйлунцзян могли налаживать широкое взаимодействие лишь со странами капиталистического мира, так как Пекин в условиях сохранения напряженности в советско-китайском диалоге не передавал на места полномочия по развитию экономических связей с СССР. Установление побратимских соглашений, проведение международных ярмарок и торговля стали основой международной деятельности провинциальной бюрократии. Ориентация на сотрудничество с капиталистическим миром в силу объективных причин – внутриконтинентального положения и исторически сложившегося структурного перекоса в сторону неконкурентоспособной на мировом рынке тяжелой промышленности – не могла стать перспективным направлением международной деятельности провинции*. Естественным образом, в мемуарной литературе о первой половине 1980-х гг., делопроизводственных документах и прочих источниках этого периода провинция ни разу не упоминалась как возможный плацдарм международной экономической интеграции Китая. Хэйлунцзянская бюрократия, как и бюрократии других внутренних регионов Китая, оставалась вне процесса распределения центральным правительством преференций во внешнеэкономической сфере – одного из ключевых инструментов регионального развития

* Доля Хэйлунцзяна в общем объеме привлеченных Китаем инвестиций не поднималась выше 1 % вплоть до середины 1990-х гг. На всем протяжении 1980-х гг. основными статьями экспорта провинции в западные страны оставались контролируемые центральным правительством товары – энергоносители и зерновые. См.: [8, с. 590].

в 1980-е гг. [14, с. 10–11]. Только реализация естественных преимуществ – общей границы с СССР – могла позволить вклиниться в этот процесс.

Опубликованные к настоящему времени источники, принадлежавшие представителям центральной власти, позволяют сделать однозначный вывод: в представлениях политической элиты КНР о национальной истории процессы развития экономических (но не политических) взаимоотношений с СССР в 1980-е – начале 1990-х гг. имели ничтожную значимость для государства. Данный факт особо выделяется на фоне подробных описаний зарождения и становления политики «внешней открытости» в приморских районах страны. Приведем характерный пример. В недавно переведенных на русский язык мемуарах бывшего вице-премьера Ли Ланьцина, в которых автор ставил задачу описать процессы зарождения и реализации «стратегического курса на открытость страны» [6, с. 13–14] в 1970–80-е гг., из четырехсот страниц текста связям с Советским Союзом не отведено ни одного полноценного абзаца.

Оставляя за рамками исследования вопрос фактического места СССР в мировых экономических связях Китая и причинах исторической несправедливости официального дискурса, обратим внимание на другую особенность: представления хэйлунцзянской бюрократии и ученых, наоборот, направлены на то, чтобы убедить читателя в важности советского направления во внешнеэкономической политике страны.

Первые торговые связи провинции с регионами СССР были налажены в апреле 1983 г. в результате межгосударственных договоренностей. Хэйлунцзянские источники оставляют в стороне этот обыденный факт бюрократической работы и связывают открытие приграничных экономических взаимодействий исключительно с усилиями первого лица государства – генсека Ху Яобана. По воспоминаниям хэйлунцзянского вице-губернатора Ду Сяньчжуна, генсек в 1983 г. говорил о том, что экономические взаимодействия с СССР «...возможно, сдержат войну...», и «с энтузиазмом» указывал на необходимость развивать приграничные взаимодействия с советской стороной [5, с. 2]. По данным Э. Вишник, основанным на интервью с высокопоставленным хэйлунцзянским чиновником в середине 1990-х гг., работа по открытию приграничных пунктов пропуска в провинции была «официально санкционирована» генсеком Ху Яобаном после того, как он посетил Хэйлунцзян в августе 1982 г. [3, с. 231]. При этом во всех случаях под приграничным сотрудничеством понимались взаимодействия очень обширных периферийных территорий – самого Хэйлунцзяна с китайской стороны и Дальнего Востока и Сибири с российской.

На окружном и уездном уровнях власти историческое воображение было не менее богатым. Наибольшего успеха в репрезентациях достиг граничащий с Благовещенском город Хэйхэ. После визита Ху Яобана в город в августе 1984 г. хэйхэские ученые и чиновники присвоили ему высказывание «на юге – Шэньчжэнь, на севере – Хэйхэ, они должны лететь крыло в крыло» [11, с. 345], хотя ни в одном источнике нехэйлунцзянского происхождения этому нет подтверждения. На рубеже 1980–1990-х гг. городская и провинциальная политическая и интеллектуальная элиты активно использовали эту фразу как

подтверждение наличия у Пекина представлений о тождественности потенциалов приграничных городов с символом международной интеграции в Китае – Шэньчжэнем. Позже, в 1994 г., возможно, в силу того, что город так и не получил ожидаемого развития, редактор хэйлунцзянского отделения Синьхуа, сопровождавший Ху Яобана в 1984 г., уточнил, что генсек выражал надежду на развитие Хэйхэ в отдаленной перспективе [12, с. 16].

В авторитарных политических системах ссылки на санкции первых лиц государств или проведение аналогий с идеологически важными государственными проектами (как, например, сравнение с Шэньчжэнем) – достаточно распространенное явление, но включение этих деталей в репрезентации имело важное символическое значение в торге с Пекином по поводу включения провинции в существующую систему внешнеэкономических преференций. Этот тезис доказывают два официальных доклада, направленных провинциальным руководством в Пекин, которые мы рассмотрим ниже.

В марте 1988 г. чиновники и ученые провинции подготовили исследовательский проект сотрудничества провинции с сибирской частью СССР, который в виде доклада был направлен в Пекин. Сотканный из множества внутренних противоречий, он, в сущности, служил только одной цели – убедить центральное правительство в необходимости активизации приграничного и межрегионального сотрудничества с восточными районами СССР. Этот документ интересен тем, что содержал воспроизводящуюся вплоть до настоящего времени аргументацию в притязаниях на особое место провинции во внешнеэкономической политике страны.

Сибирь и Дальний Восток указывались в докладе в качестве будущего экономического центра Азиатско-Тихоокеанского региона, в борьбу за рынок и ресурсы которого были готовы вступить Япония, Южная Корея и другие страны АТР. Провинция Хэйлунцзян в силу своего географического положения должна была взять лидерство в этом процессе и стать плацдармом для сотрудничества социалистического и капиталистического миров [5, с. 25]. В то же время, логически противореча тезису об экономической значимости восточных районов СССР, но подчеркивая важность провинции, авторы проекта указывали, что Сибирь и Дальний Восток – технологически отсталые территории, для которых Хэйлунцзян в силу более высокого уровня развития народного хозяйства сможет поставлять широкий спектр продукции и услуг: от продовольствия и трудовых ресурсов до товаров легкой промышленности и оборудования [5, с. 30–33]. С опорой на данные «английского института» в докладе указывалось, что для освоения восточных районов СССР не хватает 50 млн человек, до 95 % продовольствия, до 86 % строительных материалов и т. д. [5, с. 39–40].

Наиболее важная часть вышеуказанного доклада – базовые условия, которые Пекину предлагалось создать для провинции в деле продвижения сотрудничества с СССР. Во-первых, верховное руководство КНР должно было обеспечить невмешательство центральных властей двух стран в приграничное торгово-экономическое сотрудничество. Во-вторых, провинциальные власти предлагали Пекину создать на границе с СССР особые торгово-

экономические зоны (ОЭЗ), имеющие идентичные с приморской зоной налоговые и административные привилегии. В-третьих, центральному руководству рекомендовалось улучшить приграничную инфраструктуру, предоставить преференции в области торговли. В-четвертых, Пекину предлагалось передать все полномочия в области внешнеэкономической деятельности в провинцию и нижестоящие уровни власти [5, с. 45–46].

Центральные власти КНР лишь частично удовлетворили последний пункт вышеуказанных предложений доклада, проигнорировав остальные. В ответном письме Госсовета в апреле 1988 г. провинциальному правительству было разрешено самостоятельно утверждать внешнеторговые компании и проекты по вывозу рабочей силы, а также выдавать лицензии на вывоз определенных групп товаров, при этом схожие привилегии получили Цилинь и Автономный район Внутренняя Монголия [5, с. 532–533].

В начале 1990-х гг. официально заявленной целью провинции стало получение разрешения центральных властей на создание ОЭЗ, которые уже в течение десятилетия существовали в приморских провинциях страны. В августе 1990 г. хэйлунцзянская правительственная группа по изучению вопросов развития экономического сотрудничества с СССР подготовила доклад для центрального правительства, в котором указывала, что Хэйхэ имеет схожие с приморскими районами Китая перспективы развития внешнеориентированной экономики, однако ему нужен особый подход в первоначальном обеспечении транспортной инфраструктуры и торговых преференций, чтобы к 2000 г. создать зону, свободную для людских, денежных и товарных потоков [10, с. 181–183]. Для ускоренного развития ОЭЗ в Хэйхэ Пекину предлагалось: предоставить особый преференциальный режим для инфраструктурных проектов, обеспечить налоговые каникулы и снизить ставку по подоходному налогу, дать разрешение на отмену сбора местных налогов, отменить НДС и пошлины для импортируемой для нужд зоны продукции и экспортной продукции зоны, отменить лицензирование экспортируемой зоной продукции с высокой добавленной стоимостью, ежегодно предоставлять определенные финансовые ресурсы на капитальное строительство, а также включить проект строительства моста Хэйхэ – Благовещенск в 8-й пятилетний план, создать бондовую зону и т. д. [10, с. 185–189].

В январе 1991 г. секретарь провинциального комитета КПК Сунь Вэйбэнь, утверждая задачи на 8-й пятилетний план (1991–1995 гг.), предложил «...выбрать несколько приграничных городов, которые станут окном политики внешней открытости и активизируют приграничную торговлю» [8, с. 6]. В марте 1992 г. губернатор Шао Цихуэй в отчете о работе правительства за 1991 г. поставил задачу получить подобные преференции от центра в отношении Суйфэньхэ и Хэйхэ [8, с. 22]. Госсовет одобрил создание в этих городах ОЭЗ – зон приграничного экономического сотрудничества – через месяц после отчета.

Достигнув успеха, провинциальные власти попытались распространить схожие преференциальные режимы на другие территории: вице-губернатор провинции Ван Цзунчжан подал ходатайство заместителю министра внешне-

экономического сотрудничества и торговли Ли Ланьцину о включении во вторую группу городов приграничной открытости Тунцзяна, Фуюани и внутриконтинентальных округов Цзямусы, Цицикар и Муданьцзян [5, с. 514]. Однако центральные власти в дальнейшем не предоставили этим территориям привилегированного статуса, завершив формирование пояса приграничных ОЭЗ городами и уездами Юньнани, Внутренней Монголии, Синьцзяна и Гуанси.

В начале 1990-х гг. правительство Хэйлунцзяна переориентировало на СССР и затем РФ главное провинциальное мероприятие по налаживанию бизнес-контактов и продвижению собственных товаров. С 1990 г. вместо Харбинской ярмарки экспортных товаров провинциальные власти начали проводить Ярмарку торгово-экономического сотрудничества Китая с СССР и странами Восточной Европы [13, с. 86].

Репрезентации о высоком потенциале приграничного сотрудничества с СССР в хэйлунцзянском официальном дискурсе позволяли местным властям привлекать не только внимание центрального правительства. В марте 1987 г. вице-губернатор провинции Лю Чжунли на рабочем заседании по вопросам технико-экономической кооперации резюмировал, что «...многие провинции и города желают развивать горизонтальную интеграцию с Хэйлунцзяном в основном ввиду наших природных ресурсов и наличия пунктов пропуска на границе с СССР» [7, с. 179]. В этом же году в ходе встреч с пекинской, шанхайской, сычуаньской, шэньчжэньской и другими официальными делегациями обсуждался вопрос о совместном сотрудничестве в деле открытия советского рынка [7, с. 184–187]. На рубеже 1980–1990-х гг. функционировала постоянная координационная группа между правительствами г. Пекина и провинции Хэйлунцзян по вопросам взаимной кооперации в сотрудничестве с СССР/РФ. В феврале 1993 г. на рабочем совещании по вопросам приграничной торговли и экономического сотрудничества губернатор провинции предложил переформулировать концепцию «сотрудничать с югом и открывать север» на «открывать север и сотрудничать с югом» ввиду того, что «только после проведения политики приграничной открытости... началось реальное сотрудничество с югом» [15, с. 214].

Подводя итоги нашего анализа, необходимо выделить две особенности. Репрезентации провинциальной бюрократией и интеллектуальным сообществом перспектив приграничного сотрудничества с соседними регионами СССР строились на гиперболизации потенциала территории, ее позиционировании как важного связующего звена между КНР и СССР или даже социалистическим и капиталистическим миром. Такие представления формировались как основа притязаний провинциальной бюрократии на ее включение в существующую систему внешнеэкономических преференций через воспроизводство идеалистических представлений о благотворном влиянии приграничного положения и международного экономического сотрудничества. Другими словами, воображаемые местной бюрократией и учеными перспективы приграничного сотрудничества были задействованы не в целях организации реальной экономической кооперации сопредельных регионов и тем более не в це-

лях реального размыывания национального суверенитета, а в качестве инструмента в торге бюрократии со своим центральным правительством по поводу распределения государственных ресурсов.

Список литературы

1. *Blatter J.* Beyond Hierarchies and Networks: Institutional. Logics and Change in Transboundary Spaces / J. Blatter // *Governance: An International Journal of Policy, Administrations and Institutions.* – 2003. – № 4 – P. 503–526.
2. *Brunet-Jailly E.* The State of Borders and Borderlands Studies 2009: A Historical View and a View from the Journal of Borderlands Studies / E. Brunet-Jailly // *Eurasia Border Review.* – 2010. – N 1. – P. 1–17.
3. *Wishnick E.* Chinese Perspectives on Cross-Border Relations / ed. Sh. Garnett *Rapprochement or Rivalry? Russia-China Relations in a Changing Asia.* Washington, 2000. – P. 227–256.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
5. Ду Сяньчжун. Бяньмао моулюе = Стратегемы приграничной торговли. – Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1995. – 582 с.
6. *Ли Ланьцин.* Прорыв: Как открывались ворота страны: тридцатилетию начала реформ в Китае посвящается / пер. Ли Иннань. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 472 с.
7. Хэйлунцзян няньцзянь 1988 = Ежегодник Хэйлунцзяна. – 1988. – Харбин : Хэйлунцзянжэньминьчубаньшэ, 1988. – 568 с.
8. Хэйлунцзян няньцзянь 1992 = Ежегодник Хэйлунцзяна. – 1992. – Харбин : Хэйлунцзяннйяньцзяньшэ, 1992. – 548 с.
9. Хэйлунцзян тунци няньцзянь 1991 = Статистический ежегодник Хэйлунцзяна – 1991. – Пекин : Чжунго тунци чубаньшэ, 1991. – 793 с.
10. Хэйлунцзян шэн дуй су цзинмао чжаньлюе хэ цэлюе яньцзю = Изучение стратегии и тактики провинции Хэйлунцзян в торгово-экономическом сотрудничестве с СССР / гл. ред. Чжун Хоушэн. – Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1991. – 191 с.
11. Хэйхэ цзяньши = Краткая история Хэйхэ / под ред. Ли Баошу. – Харбин : Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. – 414 с.
12. Чжан Чицзянь. Ху Яобан цидун лэ чжунсу бяньцзин дэ чжамэнь = Ху Яобан открыл ворота китайско-советской границы // *Гунгуань шицзе.* – 1994. – № 1. – С. 14–16
13. Чжунго дуйвай кайфан 30 чжоунянь хуэйгучжань. Дифан дуйвай кайфан да шицзи = Ретроспективная выставка к 30-летию политики внешней открытости в Китае. Хроники политики внешней открытости в регионах. – Пекин, 2008. – 327 с.
14. Чжунго цзинци гайгэ 30 нянь: цюйюй цинци цзюань (1978–2008) (30 лет экономических реформ в Китае: региональная экономика (1978–2008)) / под ред. Гао Синьцай. – Чунцин : Чунцин дасюе чубаньшэ, 2008. – 307 с.
15. Шао Цихуэй тунчжи цзай цюаньшэн бяньцзин дифан цинци маои гунцзо хуэйи шан дэ цзяньхуа = Выступление товарища Шао Цихуэя на рабочем заседании по вопросам приграничного и регионального торгово-экономического сотрудничества провинции // *Хэйлунцзян чжэнбао.* – 1993. – № 8 – С. 212–220.

Challenges in Cooperation on Sino-Russian Border

S. A. Ivanov

*Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok*

Abstract. The article analyses representations of cross-border cooperation with USSR made by Heilongjiang authorities in 1980s and the beginning of 1990s.

Keywords: cross-border cooperation, China, Heilongjiang, bureaucracy.

Иванов Сергей Александрович

*младший научный сотрудник
отдел международных отношений
и проблем безопасности
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН
690950, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 89–26
тел.: 8(423)2268054
e-mail: 02isa02@gmail.ru*

Ivanov Sergey Alexandrovich

*Junior Research Fellow
Department for International Relations and
Security Studies
Institute of History, Archeology and
Ethnography of the Peoples of the Far East,
FEB RAS
89–26, Pushkinskaya st., Vladivostok,
690950
tel.: 8(423)2268054
e-mail: 02isa02@mail.ru*